

Позже мне довелось еще раз выпить со старшим дедушкой. Ну, если выражаться точнее, я просто на время одолжил свое тело Второму командиру Яну моей Палаты Чистого Ветра, чтобы тот разделил чарку со старым боевым товарищем.

Моего Второго командира звали Ян. В годы войны он командовал полком, в котором служил мой дедушка. Нет-нет, не подумайте ничего такого: тот самый великий генерал Ян давно переродился и, вполне возможно, сейчас бегают по земле моложе меня. Мой же командир Ян был скромным главой небольшого отряда Антияпонской объединенной армии. Имени в учебниках истории он не оставил, но честно сражался в глухой тайге Северо-Востока долгие годы.

С тех пор старший дедушка души во мне не чаял. Как-то раз он улучил момент, когда рядом никого не было, тайком сунул мне стоюаневую купюру и листок бумаги. Попросил при случае помянуть его павших однополчан чем-нибудь вкусным.

Деньги пришлось взять: если уж старший дедушка упрется рогом — пиши пропало, не переспоришь. Вернувшись в общежитие, я тут же купил все, что было указано в его списке. На оставшуюся сдачу в пятнадцать юаней взял бойцам еще и пакет жареного арахиса.

Кстати, сделаю небольшое отступление. Наши Бессмертные Чистого Ветра не способны по-настоящему вкушать земную пищу, если только не вселяются в медиума. Обычную еду они «едят» иначе — просто вытягивают из нее питательную суть, духовную ци.

Проще говоря, после их трапезы подношения полностью теряют вкус. Попробуешь такое — точно-в-точь как картон жуешь, пресно и безвкусно. Никакой пользы, разве что желудок набить.

Так что все подношения с алтаря я аккуратно упаковывал и относил в приют для бездомных животных через три улицы от нас. Его держали две мои состоятельные сокурсницы — просто из жалости к уличным бедолагам.

Ху Линлин говорила, что за такие добрые дела им на небесах зачтутся немалые заслуги.

Мое Небесное око пока развито слабо, но когда я доведу технику до ума, смогу воочию созерцать золотое сияние их благой кармы.

С началом семестра я вернулся к подработке в баре. Теперь я выходил только в ночные смены с пятницы по воскресенье, зато мне накинули к жалованью четыреста юаней.

А еще у нас начала выступать новая рок-группа. Ребята играли отлично, легко переходя от жанра к жанру, но особенно проникновенно у них выходили баллады о любви. В бар хлынули влюбленные парочки и толпы одиноких девчонок. И немудрено: солист оказался чертовски

харизматичным красавцем, умеющим приковывать к себе взгляды.

Народу прибавилось, работы тоже, но и выручка хозяина поползла вверх. Наш босс сиял от счастья и под конец смены даже расщедрился на ночные сытные перекусы для персонала.

В те же дни у нас появился один примечательный гость. Он заглядывал к нам почти каждый вечер: на вид лет тридцать, интеллигентный, в тонких безоправных очках. Однако внимание моего духа-вестника привлек не он, а сопровождавший его неприметный мужчина, следовавший за ним как тень.

— Дачуань, будь осторожнее, — предупредила меня Ху Линлин. — От его спутника разит зловещей кровавой аурой. Смертельно опасный тип.

О подобной скверне я уже слышал. Обычно она въедается в тех, кто обрывает чужие жизни. Это профессиональная черта мясников, поваров на разделке туш или, к примеру, палачей.

— Да ладно тебе, может, он раньше в лавке собачьим мясом торговал, — беспечно отмахнулся я. — В наше время на мокруху решаются единицы.

В конце концов, даже будь они хоть трижды бандитами, едва ли они станут устраивать поножовщину в приличном заведении. А я здесь всего лишь обычный официант.

— Нет, все совсем иначе, — покачала головой Ху Линлин. — Он практикует черную магию и использует ауру смерти для собственного укрепления. Держись от него как можно дальше. У таких тварей мотивов для убийства хоть отбавляй. Например, твоя благая карма: если он прикончит тебя, его зловещая сила возрастет в разы.

От таких откровений меня так и подмывало обозвать этого типа психом. С виду он вовсе не походил на кровожадного маньяка, но спорить с Линлин я не стал и с тех пор за милую обходил их столик.

Мало того, для пущей безопасности Ху Линлин мобилизовала целый отряд бессмертных Желтой Палаты и парочку сильных табачных призраков. Теперь эта невидимая свита следовала за мной по пятам: одни несли караул на улице, другие плотным кольцом окружали меня в самом зале.

Ощущения были такие, словно я заделался криминальным авторитетом из кинофильмов, которого повсюду сопровождает орава телохранителей. Обычные люди их не замечали, и поначалу это даже льстило моему самолюбию. Правда, забава быстро приелась, и уже через пару дней навязчивая забота начала утомлять.

Шутка ли — у тебя не остается ни единой свободной минуты. Каждое утро, только открыв глаза, я натыкался взглядом на трех-четырех призраков, безучастно зависших над кроватью.

Любой нормальный человек от такого соседства рано или поздно полезет на стену.

В конце концов мне пришлось пойти на мировую: я упросил духов не караулить меня дома. В квартире все-таки стоял священный алтарь, так что безопасность была гарантирована и без личной охраны.

Так продолжалось около двух недель. Напряжение спало лишь тогда, когда интеллигентный очкарик пришел в бар с другим спутником, а грозный «палач» испарился в неизвестном направлении. Ху Линлин наконец объявила отбой и перестала дрожать над моей сохранностью.

Сдав смену, я переодевался в раздевалке для персонала и краем уха слышал, как босс перешептывается с администратором. Речь шла как раз о том таинственном клиенте с телохранителем. Любопытство взяло верх, и я тихонько подобрался поближе.

— Слушай, Хао-гэ, — вещал администратор, — а ведь Второй господин Сунь — лютый зверь. Этот Трехглавый кот у него правой рукой был, столько лет верой и правдой служил! А тут его без лишних разговоров пустили в расход. Такого знатного бойца списали, лучшего «красного шеста» на всем Северо-Востоке...

— Подумаешь, — хмыкнул босс. — В мои времена, когда я сам еще крутился в этих кругах, и не такие расправы случались. К тому же ты не знаешь всей подноготной. Раз применили столь суровую кару, значит, Трехглавый кот знатно подгадил боссу. Предателей никто не жалеет, тем более такие волки, как Сунь.

— Серьезно? А ведь болтали, будто Кот предан ему до гроба. В свое время ради господина Суня даже бровью не повел, когда его жену и ребенка порешили.

— Подумаешь, жена и дети! — презрительно усмехнулся Хао-гэ. — У Кота баб и отпрысков на два дома хватало. Одних порешили — другие остались.

— Надо же, страхолудина такая, а две бабы на него вешались... Слушай, Хао-гэ, а за какие грехи его так приговорили-то? Руки и ноги начисто переломали, теперь он калека до конца дней.

Наш администратор, хоть и мужик, обожал собирать сплетни похлеще любой базарной торговли. Обычно меня воротило от его длинного языка, но сейчас это пришлось как нельзя кстати.

— Поговаривают, он спелся с чужаками и втихаря наладил торговлю «белым порошком». А Второй господин эту отраву на дух не переносит.

«Белый порошок» — тут и гадать не нужно, обычный сленг наркоторговцев. По телевизору сейчас только об этом и трубят.

Паршивое, грязное дело. Мой Второй дядя всегда говорил: в криминальном мире на мелкие грехи полиция еще может закрыть глаза, но за торговлю людьми и наркотиками пощады не жди — закатают под асфальт без лишних разговоров.

— Но одного я не пойму, Хао-гэ. Зачем тогда этому важному господину Суню каждый вечер торчать у нас за барной стойкой? Не просто же так он здесь глушит виски?

— Любопытной варваре на базаре нос оторвали, — беззлобно проворчал Хао-гэ, хотя по его довольной физиономии было видно, что ему не терпится выложить оставшиеся карты. — Слышал я, будто его внебрачного ребенка похитили. Мать жила с девчушкой как раз в нашем районе, и девчонка пропала среди бела дня прямо у порога дома. Вот Сунь теперь и рыщет в этих краях.

Босс со вздохом затянулся сигаретой.

— Ирония судьбы. Сам он никогда не связывался с торговлей живым товаром или наркотой, а тут собственную кровь увели. Черт знает, то ли конкуренты решили проучить, то ли залетные дурачки попались.

— Короче говоря, Сунь пустил весть по всем блатхатам: тому, кто вернет дочку живой и невредимой, он выплатит полмиллиона наличными сразу в руки. И вдобавок пообещал вечное покровительство своих ребят по любому вопросу.

Выслушав это, я невольно подумал, что у господина Суня выдался на редкость паршивый год. Звезд с неба не хватал, чурался грязного бизнеса, а тут — бац: правая рука продает дурь, а собственного ребенка крадут работоторговцы. Закон кармы в действии, не иначе.

С тех пор как я стал шаманом-практиком Чума, мои мозги окончательно свернули на профессиональную стезю. Стоило увидеть чью-то неудачу, как первой мыслью было: «Неужто сглаз или проклятие?» А когда замечал влюбленную парочку, невольно гадал, истинная ли это любовь. В общем, здоровым такое мышление назвать было трудно.

А что мне оставалось? После той истории с неупокоенной девицей крупных заказов у меня не предвиделось. Перебивался случайными просьбами местных призраков: то восточку родственникам во сне передать, то припрятанную безделушку подкинуть. Заслуги за это капали копейные, а ведь мне кровь из носу нужно накопить солидный багаж добрых дел до двадцатилетия, чтобы выкупить у судьбы дополнительные годы жизни. Новый год уже позади, через пару месяцев мне стукнет девятнадцать. Если не потороплюсь, действительно протяну ноги раньше времени.

Некоторые тратят всю жизнь на духовные практики ради вознесения, но мне-то всего девятнадцать! Я еще даже не влюблялся толком. Становиться бесплотным духом в таком нежном возрасте казалось высшей несправедливостью.

Я не просил бессмертия или рекордов долголетия. Мне бы просто дожить до глубокой старости, обзавестись семьей да по нянчить внуков.

Самые простые человеческие желания. Почему же мне, добродетелю в девяти воплощениях, заказан этот путь?

Я был не согласен мириться с такой участью.

Мои бессмертные покровители тоже не горели желанием спровадить меня на тот свет. Умри я сейчас, моя благочестивая карма округлилась бы до десяти перерождений, и я превратился бы в могущественного бессмертного. Но погибни я безвременно и затаив обиду, вся эта благодать обратилась бы в ярость усопшего. Кому наверху охота отвечать за такой катаклизм?

Наслушавшись трактирных басен, я поплелся домой. Завтра предстояла профильная лекция. Наша преподавательница, редкая красавица, спуска никому не давала: попробуй только отвлечься на занятия — живо голову оторвет.

На следующее утро я поднялся ни свет ни заря, придирчиво выбрал одежду получше и в приподнятом настроении поспешил в университет.

Наша учебная программа пестрела самыми разными дисциплинами, но моим фаворитом было искусствоведение, стоявшее первой парой каждый понедельник. Лекции читала молодая женщина лет двадцати пяти. Она была невероятно, ослепительно красива, а ее фигуре позавидовала бы любая топ-модель.

Разумеется, рассчитывать на взаимность со стороны столь роскошной женщины глупо, но ведь на лекцию к такой приме приятно прийти при полном параде.

Проходя мимо нашего бара, я скользнул взглядом по стене здания и заметил свежее объявление о пропаже человека. С глянцевого бумаги беззаботно улыбалась трехлетняя девчушка в нарядном платьице, похожая на маленькую принцессу. Вчитавшись в текст, я похолодел: ребенок бесследно исчез почти месяц назад.

По ночам я пробегал мимо этого места не глядя, и только вчерашний рассказ хозяина заставил меня присмотреться к листовке. Сердце сжалось при виде этого невинного, очаровательного создания.

Мою маму в свое время тоже похитили и продали в глухомань торговцы людьми. С тех пор я испытывал к этой мрази лютую, животную ненависть. Повинуясь порыву, я вытащил телефон и сфотографировал указанные внизу контакты.

Решил показать объявление Второму дяде — у моего кузена Давэя связи в полиции, мало ли, вдруг они смогут чем-то помочь.

Однако стоило мне взглянуть на цифры номера, как по спине пробежал холодок. Он показался мне смутно знакомым.

Я вбил цифры в строку поиска контактов на своем смартфоне. На экране высветилось имя нашей прекрасной преподавательницы — Шао Сюэнин.

Я застыл на месте, тупо уставившись в светящийся дисплей.

«Каким образом первая красавица Ляонинской академии изящных искусств умудрилась связать свою жизнь с криминальным авторитетом?»

<http://bllate.org/book/20253/2132106>